

An impressionistic oil painting of a river flowing through a dense forest. The brushstrokes are thick and textured, capturing light and color in a dynamic way. The river is the central focus, with various shades of blue, green, and brown. The surrounding trees and foliage are rendered in vibrant greens and yellows, with some darker tones in the shadows. The sky is a mix of light blues and whites, suggesting a bright, slightly overcast day. The overall composition is a landscape view from a slightly elevated perspective, looking down the length of the river.

таёжная повесть

16+

Ефремов Дмитрий

Дмитрий Глебович Ефремов

Таёжная повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43620779

SelfPub; 2019

Аннотация

Это повесть о любви, о том, что человеком, где бы он ни находился, движет желание сердца. Тайга особый мир, в ней хранится первозданная красота земли, и здесь проявляются первозданные качества людей, и их желание любить становится законом для выживания и основой для счастливой жизни. На обложке живопись автора "Рождение реки".

Чёрные следы хорошо выделялись на первом снегу. Они уходили круто в небольшую сопку, и по ним нетрудно было понять, какой был зверь. Он легко преодолевал завалы, каменные осыпи, оставляя на белой поверхности четкие отпечатки немного закругленных спереди парных копыт. Где-то под вершиной сопки густо рос орешник – хорошее укрытие для любого зверя. Никакой охотник, даже самый опытный, не смог бы подобраться к зверю, не оставшись незамеченным. Да и глупо было карабкаться в сопку и сбивать ноги, чтобы потом вновь возвращаться ни с чем. Михаил остановился и отдышался. Из рта белым снопом валил пар. С утра хорошо подморозило, и хотя воздух постепенно прогрелся за день, в лесу было приятно от прохлады. Приметив упавшее дерево, почерневшее и почти сгнившее от времени, он прикладом счистил с него снег и сел. Его раздирала досада оттого, что ему опять не повезло. Выходило так, что там, где другие подставляли ладонки и собирали, что падало сверху, ему приходилось тянуть руки, подпрыгивать, а оно выскальзывало всякий раз. С утра он успел отмахать полтайги и забрел черт знает куда. Заблудиться он не боялся. Не хотелось бить «копыта», как он называл свои ноги. А главное – все было зря. Не стоило гнаться за быком. Выслеживать его, как выражались охотники —тропить. «Собакам не под силу, а тут человек, да еще с этим», – он с грустью осмотрел ружье, которое держал в руках, и вздохнул. Но азарт – вещь ковар-

ная. Зверь заставляет забыть обо всём, даже о главном в тайге. Об оружии.

Он увидел изюбра недалеко от пасеки. Случайно. Бык с богатой короной быстро шел по противоположному ряжу, по самому гребню, выделяясь на фоне неба, затянутого белой дымкой, мощным силуэтом. Даже издали было видно, как вздувались мышцы на его грациозном, до совершенства отточеном природой теле. В такие мгновения человек забывает обо всём. Мечта охотника! Если бы у него был карабин, он бы не промахнулся. Он был уверен в этом на все сто. И тогда сидел бы он уже на пасеке и жарил свежую изюбрячью печенку. Но на коленях лежал старый допотопный дробовик. Зрелище было неприглядным. Обшарпанный приклад едва держался на двух болтах, и в одном, самом узком месте его пришлось перетянуть проволокой. Приклад был ерундой по сравнению со стволами. Вытертые от времени, и поеденные изнутри ржавчиной и раковинами, они уже не стреляли, а просто плевались. От рогатки, наверное, было больше проку, чем от этих стволов. Впрочем, и эта беда была мелочью. Оба ствола раздуло в патроннике. Вытащить из них гильзы, особенно латунные, после выстрела можно было только при помощи ножа или специального шила. Благо, нож был всегда под рукой. Но даже если все огрехи старого «дедушкиного» ружья собрать в общий узел, то они были пустяком по сравнению с главной проблемой. Ружьё осекалось, и такая беда была хуже промаха. Хуже всего, что может случиться

на охоте. Такая беда могла стоить жизни. Как он до сих пор не разбил его где-нибудь в лесу, было просто чудом. Михаил погладил стволы рукой. Маленькие снежинки падали сверху и тут же исчезали на вороненой поверхности выдавших виды стволов. Ружьё было действительно старым, довоенным. Где-то на замках стояло клеймо мастера, их украшала витиеватая гравировка. Вещь была сделана тогда, когда люди не скупилась вложить в работу свою душу и, наверное, получали от этого большую радость. На совесть работали. Жалко было выбрасывать его. Оно было для него просто как память о прошлом. Далёком прошлом мест, в которых он жил. Ему почему-то казалось, что ружье еще сослужит службу. Пока же оно лишь спасало жизнь лесным обитателям. Последняя коза еще раз доказывала это. Она паслась на болотце, среди молодых березок, выискивая среди пожелтевшей травы что позеленее. Он зашел с подветренной стороны и остался незамеченным. До козы было каких-нибудь двадцать метров. Расстояние смешное, и Михаил уже предвкушал победу. Самонадеянность в охоте, как и в любом серьезном деле, — вещь опасная. Первый раз он промахнулся. Он не мог поверить своим глазам. Коза продолжала пастись, лишь озираясь по сторонам. Он выстрелил еще раз и снова промазал, но коосулю словно кто-то держал. Она лишь подалась вперед и остановилась. Отчаянью его не было предела. До боли в суставах он сжал цевьё, едва не переломив дробовик пополам. Из груди вырвалось страшное проклятие, то ли в адрес козы,

то ли в адрес ружья.

Зверь отпрыгнул в сторону и легко побежал по болоту, подставив ему весь бок, словно дразня. Перезаряжать не имело смысла.

Ему ещё не было тридцати. Всего год назад он жил совершенно другой жизнью. Каждый день в крохотной комнатёшке рабочего общежития, сидя в кровати и подложив под спину подушку, он проверял детские тетради, закатываясь истерическим смехом от нелепости предложений и ошибок своих подопечных. Орудовал, как казак шашкой, красной пастой, раздавая двойки и тройки направо и налево. Вечерами он оказывался в компании таких же молодых, как и он, учителей, споря на самые разные житейские проблемы. Они вечно спорили, бесконечно пили крепкий чай, похожий на берёзовый дёготь, или смотрели «ящик». Когда все надоело, он пропадал в автоклассе у Тимофеича, где стоял бильярд, и где после работы собиралось много разного люда, и напивался там до помутнения рассудка. Просыпался на следующее утро, не соображая, где он и как попал домой, не в силах вспомнить вчерашнее. Потом он засовывал «лыси́ну» под кран, трезвел, проклиная и себя, и жизнь, и шел на уроки. Так продолжалось два года. И в один не самый прекрасный момент этой жизни он понял, что ему нужен выход. Школа. Общага. Дети. Родители. Так может тянуться бесконечно.

Когда все осталось за спиной, в прошлом, он в сотый раз

спрашивал себя: правильно ли он поступил, что вернулся домой и засел в глубокой тайге, в глуши и одиночестве.

Он оглядел свои сапоги, раскисшие от липкого снега. Снег должен был растаять. Первый снег всегда таял, как и первая любовь, оставляя приятные и грустные воспоминания.

Для своих лет он выглядел не так уж и плохо. «Если бы не лысеющий лоб», – он усмехнулся и почесал щетину на подбородке. Кому-то нравились его усы. Их он никогда не сбривал. Они дополняли его улыбку, которую украшали ровные, немного пожелтевшие от никотина зубы.

Михаил посмотрел на небо и огляделся по сторонам. Вспомнив место, он тяжело вздохнул. В пылу преследования он ушёл на добрый десяток километров от пасеки.

«Не хватало еще в этой дыре зверя завалить, – подумал он. — Кто же его выносить будет?»

Коня у него не было. Да и не предвиделось. Хотя раньше, в пчелосовхозе, всем пчеловодам выдавали лошадь. То было раньше. Но, подумав, как следует, он все же сошелся на мысли, что не отказался бы от «мяса». Даже здесь, за десять километров. Он вспомнил, что с утра ничего не ел, а ещё надо было вылезать, тащить свои ноги через два перевала.

Немного отдохнув, он поднялся и закинул дробовик за плечо. Выпустив из-под одежды скопившийся жар, он тщательно заправился, перемотал портянки и не спеша потянулся в сторону пасеки. Досада пропала. Он равнодушно отнесся к зайцу, выскочившему из-под самых ног. Не хотелось на-

рушать царившей вокруг тишины. В глубине души он смеялся над собой.

Да... Некоторым точно везло. В огромной, бескрайней тайге бывало, что зверь вылетал прямо на охотника и валился у самых ног. Кому-то везло, но только не ему. Поднявшись из распадка, он огляделся: «Час, от силы полтора, и дома». Домом его была пасека. О пчелах голова уже не болела; они мирно спали на соседней пасеке – его-то омшаник требовал основательного ремонта, а вот о желудке позаботиться не мешало. Бак с продуктами давно был пуст, и держаться приходилось только за счет картошки и сала, оставленного лесниками, иногда заезжавшими к нему на Серпуховку.

С сопки открывался красивый вид. Внизу неслышно спускалась таежная речка Столбовка. Сопки мягко расступались перед ней, словно провожали ее до бескрайней равнины, где она сливалась с Самарой и терялась в низменной пойме Амурса. Вдоль речки, по болоту, тянулась дорога – две набитые тракторами колеи. Машина по такой дороге могла проехать только зимой.

Михаил спустился с ряжа и вышел на дорогу, по которой уже успел кто-то проскочить, оставив чёткие следы протекторов. Он запросто мог по ним определить, кто и когда проехал. И зачем. Но какой был в этом прок. Настроение вмиг испортилось. Оттого, что всех тянуло в тайгу. За добычей. Все хотели только брать: зверя, лес, рыбу. Лишь бы за это ничего не платить. Все, что угодно, лишь бы даром.

Он огляделся. Даже в этой глуши приходилось озираться и опасаться постороннего глаза. А каково было лесным обитателям, когда очумелые от городской жизни люди лезли в самую глушь за тем только, чтобы в пылу азарта завалить зверя или наколоть хариуса. А ему, кому без тайги и дня не прожить, приходилось прятать дробовик от диких глаз и собирать остатки.

До пасеки оставалось каких-нибудь пять или шесть километров. Он шел не спеша вдоль мелколесья и срывал на ходу подмороженные ягоды калины, от которых кривило скулы. Какая-никакая, а все же еда. Неспешно ступая по белой пелене, он уже мысленно растапливал печку, от которой все время задымляло дом, и жарил картошку. Ему вспомнился далекий Горный; небольшой поселок, затертый среди крутых заснеженных гор, с очень уютной школой, в которой, как оказалось, было что-то притягательное.

Пасека, как всегда, появлялась неожиданно. Выйдя из густого подлеска, он остановился у родничка. Вот что было главной ценностью Серпуховки. Родничок вытекал из-под земли рядом с пасекой, и кто-то мудрый сколотил деревянный короб и обложил родник камнем. Весной вокруг родника рос дикий лук, это Мишка помнил еще с глубокого детства, когда подрабатывал каждое лето у пчеловодов. Он ждал, когда придет весна, и он нарвет дикого лука, и насладится чистотой самой вкусной, как ему казалось, воды, и опьянеет от благоухания проснувшейся природы, наполнен-

ной жужжанием пчёл и запахом молодой вербы. Ему до ужаса хотелось лука, именно дикого. Тут же росла дикая груша с огромной густой кроной. Она цвела почти каждый год, но плодов на ней никогда не было. Почему – никто не знал.

На крыльце, привязанный тонкой веревкой, лежал Куцый, пегий щенок с длинными ушами и наполовину обрубленным хвостом. Он терзал старый тапок и рычал на него, как на зверя. Увидев хозяина, щенок залился звонким лаем и завилял обрубком хвоста...

Куцый залаял уже после того, как кто-то застучал каблучками по крыльцу.

– Кого там черт несет? – вслух выругался Мишка. Он поставил на стол горячий чайник и быстро прошел в прихожую, где оставил дробовик. Едва он успел сунуть ружье за печь, как дверь со скрипом распахнулась и весь проем заняла круглая физиономия Тольки Козырева, в народе прозванного Тыквой. Правда, не он один в семье Козыревых носил овощное прозвище. Отец его, Игнаха, такой же мордатый и крепкий, был Помидором, а сына, уже отслужившего в армии, звали не иначе, как Тыквенюк. Несмотря на свое прозвище, Толька не был вегетарианцем и мог в один присест уговорить молодого поросенка. Он очень любил выпить и поорать под гармошку; особенно ему нравилось давить первого встречного своими огромными и как у медведя сильными руками. Годы брали свое, но в седой голове, крепкой, как

чугунная сковородка, всегда была только одна мысль: где бы выпить на халяву да пощупать баб.

Работал Тыква в тайге, на лесопосадках, и очень часто заживал на пасеку. Его не раз выгоняли за плохое поведение, но всякий раз принимали обратно; охотников терпеть таёжный быт в районе было не много. Он сразу с порога начал бороться. Его любимым занятием было мериться силой; точно так же он мог забуриться в любой дом и без всякого дела просидеть там весь вечер, пока не налакается.

– Стучат-ца надо! Черт бы тебя побрал, – вздохнул Мишка и рассмеялся.

Тыква расплылся своей беззубой пастью и развел руки.

– Мишшка! – заревел он, как медведь. – Ставь самогонку на стол, а не то заломаю. – Он потянул огромные лапы, чтобы ухватить Мишку за шею.

– Отвали, дя Толя, – засмеялся Мишка, выворачиваясь из-под Толькиной лапы.

– Ну, стакан-то хотя бы нальёшь? Похмелитца надо. Башка болит!

Михаил развел руками и сделал грустное лицо.

– Нету!

– Как это нету? – опять заревел Тыква. – Вчера было, а сегодня нету?

– Выжрали. – Мишка налил себе чая. – Вишь, чего пью.

– На траву, что ль, перешел? Я с тобой тогда вообще разговаривать не буду. – Толька развернулся и обиженно пошел

к двери, но тут же резко повернулся и с размаху сел на табуретку, едва не разломав ее своей тушей.

– Тише ты! Мебель сломаешь! Кто чинить будет?

Не обращая внимания на хозяина, Тыква уселся поудобнее и уставился в окно.

– Тебе кто забор-то поредил? – спросил Михаил, тоже высматривая за окном.

– А... С шефами подрались. Зашёл в клуб, на танцульки, а там один комсомольчанин мою старшую щупает. Слово за слово, когда на улицу вышли, наших никого. Пришлось одному отбиваться. Ничо. Зуб-то молочный оказался, значит, новый вырастит. – Толька беззаботно рассмеялся, сполна демонстрируя прореху в зубах. – Речка-то поднялась, – на столбовской манер продолжал тянуть разговор Толя, закуривая сигарету. – Пасеку-то затопить. Шмоет тебя вместе с твоим бесхвостым.

– Не шмоет, – передразнил Михаил, про себя подумав: «Теперь не отлипнет». (Он знал, что если Толька чего-то захотел, то всегда добьётся своего.) – Ну чшо? Лес-то ваш не спалили ишо? Стоит? – просто так спросил Мишка.

– А чшо-о с им сделатся. Стоит. Денег не платют. Мишка, я бы его сжёл к чертовой матери. – Толька громко рассмеялся. – Все равно спялят, не рыбаки, так наркоманы. Лезут-то, как тараканы, еле отбиваемся.

– Делать вам не хрен. По лесу шляться. Всех зверей распугали. Всё поизуродовали своими полосами. Ходить невоз-

можно по вашим посадкам.

– И не говори, Мишка! – Тыква снова заржал и потянул свои руки, чтобы ущипнуть хозяина за ляжку.

– Уйди! Без тебя тошно.

– Кобеля-то закормил, гляжу. Полёживат себе, не встает, – орал Тыква.

В Столбовом все: и мужики, и бабы, да и ребятня – говорили громко, и незнающему это всегда резало уши. И когда Михаил после своих странствий снова оказался в родных местах, то первым делом отметил именно это.

...– Давай его съедим. Хорошая уха получится.

– Я тебе сожру!

– Шучшу-у. Ружо-то куда успел спрятать? – Толька опять рассмеялся и чуть не свалился с табуретки. – Когда сидьбу-то починишь? Гостям уже и сесть не на что.

Мишку позабавило то, как свободно импровизировал Козырев, как впрочем, и все столбовские жители. К примеру, сидьбой местные мужики называли доску на дереве, рядом с солонцом или кормушкой, на которой прятались, поджидая зверя, и не всякий посторонний мог сразу сообразить, о чём, собственно, идёт речь.

– А каво тебе высиживать здесь? – обиженно спросил Мишка.

– Не твоя забота, – буркнул Толька. – Чаем хоть напоил бы, башка болит.

Мишка сделал удивлённое лицо.

– Чему болеть-то? Она же чугунная у тебя.

– Кто сказал?

– Так звенит же.

– Это пустая, потому что. – Толька постучал костяшками по затылку и расхохотался.

– А куда мозги делись?

– Пропил же. Надюха так говорит.

– Чо, японцев больше не присылают? – спросил Мишка после того, как прошёл смех.

– Да ну их. Жизни не стало, по деревне не пройдёшь, дядя Толя самурай. Ты дашь мне чая? Сушняк замучил.

– Тебе надо, встань да налей.

– А сахар у тебя где?

– Мед жри!

– Сам жри эту дрянь. Гречишный, небось, Артомоновский? Ну-ка, дай понюхать.

– Привередливый ты, дядя Толя.

– А как же! Ты же вечно гадость подсунешь. Племянничек...

Мишка грохнул кружкой по столу.

– Да ты чо!

– Шучу. Коли яблочек нету, так и морковку съешь. Давай, что ли, кружку.

Он тут же полез большой ложкой в литровую банку с осенним цветочным медом, еще не успевшим закристаллизоваться.

Мишку передернуло то, как Толька заглотив несколько ложек мёда даже не запивая.

– Как ты его жрешь?

– Мишшка! Сахар нужен, килограмм пять или шесть. — Толька облизал ложку и бросил на стол.

У Мишки отвисла челюсть.

– Тока не ври, что у тебя нету! Насыпь хоть с ведерко, — напирал Тыква, — а я тебе, хошь, пуль дам для твоего дробосрала. Как раз под шестнадцатый. Полевки.

– Сколь? — перебил его Мишка.

– Пять хотя бы, — неуверенно промямлил Толька. — Бражку не на чем поставить. Ягода-то скиснет.

– Пуль сколько дашь? Чугунная твоя голова!

– А давай бороться, — предложил Толька, уже протягивая лапу с толстыми пальцами.

– Уди! С тобой только быкам бодаться.

Толька расплылся от удовольствия.

– Тота же! Ну, пошли в машаник.

– Какой тебе машаник? Пули гони!

– Каки ишо пули? — Толька сразу поглупел, но, увидев, что купить хозяина обещанием не удастся, опять с грохотом сел на табурет и отхлебнул из Мишкиной кружки.

– Ну чшо. Кака нынче охота?

«Все, — подумал Мишка, — прицепился, теперь точно не отстанет».

– Какая охота? Такая! Видишь, снег лежит.

– И хорошо. Где снег, там и след. Самое время зверя тропить. Чернотроп же. Зверь сейчас дурной, очумелый. На месте не сидит.

– Вот и тропи!

– Нашел дурака, – засмеялся Толька, – башмаки последние бить по этой кислятине.

– Пули гони! Чего сидишь!

– А хошь, я тебе колып дам. Под шестнадцатый. И под двенадцатый есть.

– На хрен мне под двенадцатый. Можешь себе забрать.

– Как же я тебе его разъединю? – не понял юмора Тыква.

– Ну-ка, покаж, – смягчил голос Мишка, – отнял, небось, у кого?

– Ага. Шёл, да нашёл. Тыква, словно фокусник, вытащил из штанин завернутый в белую тряпку колып – приспособление для литья пуль, вещь очень простую, но незаменимую в охотничьем деле.

– А ну, дай гляну.

– Охал дядя, на чужое глядя. Руки сначала помой, – заворожал Тыква и стал снова заворачивать штуковину в лоскут, но уже не так быстро.

– Сколь тебе сахара надо? – спросил Мишка. Сахар у него был. Осталось после осенней кормежки, а колыпом обзавестись не мешало.

– Ну с ведро, хотя бы.

– Да ты чшо! За эту железку!

– Добро. – Толька пошарил в карманах, снова вынул помятую пачку «Примы» и закурил.

– Ведро давай, отсыплю.

– Где я тебе его возьму? У тебя, что ль, ведра нет?

– Тогда сапог сымай.

– На хрена? – Толька открыл рот, на котором так и прилипла сигарета.

– Сахар в него насыплю! – рассмеялся Мишка.

– Я тебе насыплю! Сейчас я тебе так насыплю!

Толька вскочил со своей табуретки и кинулся ломать Мишку, словно медведь шатун, но тот уже был наготове.

– Да ну тебя к черту, козыревское отродье. Сахар тебе нужен? Гони колып.

– Ну, дай хоть мешок какой. Верну ведь, ешли пообещал.

– Да и чёрт с тобой! Пошли! – махнул рукой Мишка и, взяв связку с ключами, вышел из дома.

Как только Толька ушел со своим сахаром, на пасеке опять воцарилась тишина. Гость все же умудрился один раз больно ущипнуть Мишку, оставив на ноге хороший синяк.

Михаил не сразу привык к тишине и одиночеству, да и как к этому привыкнуть после шумных улиц и беззаботных детей. Иногда Куцый нарушал своим лаем гробовую тишину мрачных сопок, склонившихся над пасекой, гоняясь за мышами в зарослях сухой полыни. При виде щенка на душе становилось теплее. Взрослая собака не так радовала человека,

хотя Мишка с нетерпением ждал, когда Куцый подрастет и станет помогать в охоте. Сейчас же щенок был единственной утехой в бесконечной череде монотонных серых дней, среди мрачного безмолвия окружавших пасеку сопок. Покрытые чернолесьем, в основном, дубом, они словно втягивали его взгляд в своё таинственное пространство. Эту мрачную атмосферу Серпуховки нарушала лишь речка Столбовка, в сотне метров шумевшая на перекате. Где-то в ее верховьях начиналась уже настоящая тайга с кедровыми лесами, буреломами и непроходимыми марями. Одно только имя – тайга, уже вызывало в нём желание сорваться, бросить всё, и уйти пешком в эти бесконечные дебри. Но умом он понимал, что это лишь эмоции, детские впечатления от случайных встреч. Лес хоть и не выглядел так загадочно, но мог дать несравненно больше, хотя бы потому, что отсюда было ближе к жилью, к людям. Мишка не особо любил тайгу. Да и она его не баловала. Там можно было потеряться, даже одичать. Здесь он чувствовал себя, как дома, ему было вольготно. Берёзы, бархаты, дуб, маньчжурский орех, вдоль речек росли клёны. Такого богатства вряд ли где можно было встретить. Разве что в Приморье.

Летом в лесу держался весь зверь: кабан, изюбр, медведь; все находили себе корм, и всем хватало места. Лишь человек вносил в жизнь леса свои коррективы и получал взамен выстриженные плешины делян и высохшие русла рек.

Мишка взял колып в ладонь. На двух его половинках, как

на ладошках, были отливами выдавлены ребристые полусферы сразу для двух калибров. Соединив их, внутри получался объёмный шарик, даже два, куда по каналам заливался свинец. В итоге получалась круглая пуля, которую местные почему-то называли жакан.

– Це дело! Теперь можно и на охоту.

У Мишки поднялось настроение. О сахаре он уже и думать забыл. Снег продолжал потихоньку покрывать землю. Долго ему не пролежать. Ноябрьские ветры выдували все на чисто, оставляя твердую, как бетон, землю черной и голой. Но пока снег лежал, природа превращалась в лесную сказку. На снегу читались следы самых разных ее обитателей. В такие минуты жизнь казалась не такой уж и плохой.

В доме было уже светло и прохладно с ночи. Отраженный от снега свет играл на прокопченных стенах. Надо было начинать день. Мишка резко вскочил и вышел на воздух. В голове шумело от вчерашней самогонки. Он уже забыл, сколько раз зарекался не пить эту гадость. Но в компании с Сухорятами, шепутными и добродушными мужиками из Столбового, отказываться от выпивки было бесполезно. Затылок трещал по швам. Мишка прищурился от яркого света. По свежему снегу бегал Куцый, таская в зубах порванный тапок своего хозяина.

– Куцый! – притопнул на него Мишка. – Ну-ка, дай сюда! Брось, тебе говорят!

Щенок беспечно посмотрел на хозяина и, бросив свою игрушку, зарычал, задрав кверху антенну своего короткого хвоста.

– Эх ты, ошибка природы. – Мишка смачно зевнул и потянулся.

Пес уже крутился у ног хозяина, забыв про свою забаву.

– Что? Жрать, наверное, хочешь? Обойдешься, хватит с тебя вчерашнего.

Щенок преданно смотрел на хозяина, повиливая обрубок.

– Ну, ладно, пойдем, посмотрим, что у нас осталось из жратвы.

Щенок остановился у двери, не решаясь переступить через порог, не один раз получив за это тем же тапком.

– Правильно, Куцый. Собакам в дом нельзя, – степенно разговаривал с щенком Мишка. Он открыл бачок из-под меда, где хранил продукты. На дне лежали две банки тушенки и борща.

– Так. Что у нас имеется, – он взял одну из банок и стал читать вслух. – Изготовлено в Семипалатинске.

Он рассмеялся.

– Хорошо жить стали. Борщ «Чернобыльский». Тушенка вообще черт знает откуда. Так мы с тобой, паря, и до весны не дотянем. – Он захлопнул бачок и поставил обе банки на плиту. Щенок продолжал следить за хозяином с крыльца в открытую дверь.

– Ну что, Куцый, плохи наши дела. Обнищали.

Щенок брякнулся на спину и стал выкусывать в шубе блох.

Мишка тихо рассмеялся.

– Что же ты, сукин сын, вчера Сухоренка укусил? Так и врагов недолго занять.

В душе Мишке понравилось, как Куцый охранял свою посудину от захмелевших братьев.

Пес преданно лег у ног хозяина, положил свою беспородную морду на сапог и вздохнул, как человек. Мишка потрепал щенка за ухо и, взяв за шиворот, поднял перед собой. Он посмотрел Куцему в глаза. Щенок висел спокойно, лишь озираясь по сторонам и думая, куда бы смыться.

– Хороший из тебя охотник выйдет, если не задавят или не съедят такие, как дядя Тыква.

Мишка попробовал позлить щенка, отщипывая из шкуры старую вылинявшую шерсть. Даже в таком неудобном положении Куцый задрал верхнюю губу и показал тонкие, как шилья, белые зубы. Мишка рассмеялся и легонько бросил щенка на снег, так чтобы тот приземлился на лапы. Едва Куцый почуял почву под собой, он с ходу кинулся в атаку и вцепился зубами в голенище, возвращая тем самым обиду.

– Пойдем, Куцый, попьем холодненькой водички.

Услышав обращение в свой адрес, щенок отпустил сапог и завилал обрубком. Гордо задрав морду, он побежал впереди хозяина в сторону родника.

Насладившись водой, Михаил спустился к речке. Столбовка, изрядно обмелевшая, и почерневшая на фоне белого снега, тихо проносилась мимо.

– Вот и зима.

Он скинул сапоги и без раздумья полез в ледяную воду, чтобы вытащить «морду».

Вытянув из воды ловушку, он грязно выругался и сплюнул. В корзине трепыхался мелкий хариус и несколько голянов.

«Скорее всего, рыба нашла лазейку», – подумал Мишка. Под ногами уже увивался Вася, маленький черный котенок с белым пятнышком на груди. Увидев рыбу, Васька заорал с подобающей ему кошачьей страстью.

– Не ори! И без тебя тошно! Всё тебе! – рывкнул на него Мишка и вытряхнул из «морды» улов. Без болотников в ледяной воде делать было нечего. Сапоги были, да сплыли. Кто-то не побрезговал и прихватил их, когда Мишка отъезжал в Никольское за продуктами.

Он забросил «морду» в кусты и ополоснул лицо. Потом прямо с берега наклонился и сунул голову в стремнину. В одну секунду там что-то затрещало и защелкало. Ему показалось, что глаза сейчас выскочат из своих орбит. Он выскочил и заорал, трясая головой, напугав до ужаса Васю.

От процедуры остатки ночи улетучились в одно мгновение. Ему не раз приходилось раньше пользоваться этим способом. Уроки в школе – дело серьезное, действовало безот-

казно, но студёная вода таёжной речки действовала по-особому.

На Серпуховку часто заходили гости. Разные. Половину Мишка и близко к пасеке не подпустил бы. Но закон тайги не им был придуман. Когда он вошёл в дом, за столом сидел незнакомый ему человек. Мужик смотрел невинными глазами на Мишку и перебирал пальцами по столу. От неожиданности Михаил растерялся и опустил руки.

– Здравствуйте, вас, кажется, Михаилом зовут, – мягко произнёс гость. Рука его немного дёрнулась. – Вы извините, что я вот так. Дом открыт, а хозяина нет.

– Можно и на ты, – вяло произнёс Мишка и развёл руки. Ему совсем не хотелось иметь дело с незнакомыми людьми и тем более здороваться за руку. Он неловко прошёл к кровати, словно не хотел наследить в собственном доме, и принялся крошить кусок сыромятной кожи под уздечку. Наступила неловкая пауза.

– Каким ветром в наши края? – между делом спросил Михаил, не глядя на незнакомца. Выяснить его имя у него не было никакого желания, но сказать для приличия несколько слов было нужно.

– Да... Знаете ли, проходил мимо. Почему же не зайти. Мы же всё-таки люди.

Мишка посмеялся про себя и почесал макушку.

– Пасека на отшибе. Здесь гости не часто.

– Ну, вот... – В голосе незнакомца улавливалась некая интеллигентность, не нарочитая, а внутренняя. Это никак не вязалось с его обликом. На нём было старое суконное пальто чёрного цвета, к тому же коротко обрезанное. На столе лежала его фетровая шляпа столетней давности. У Мишки не было сомнения в том, кто был его гость и что он забыл в его дыре. Это был самый обычный бродяга. Бомж с претензией на интеллигентное прошлое. Об этом говорили небольшая бородёнка и такие же аккуратные усы. Для города это явление было бы обычным. Но для деревни... он никак не вписывался в общий ряд местных бродяг, одетых в поношенные робы.

– Может, чай желаете, – на манер гостя произнёс Мишка.

При желании он мог и на древнерусском заговорить, как-никак филолог в бывшем.

– Да вы уж извините, – засуетился гость, – я вижу, что неко времени. – Он погладил тёмную щетину на подбородке и взял шляпу. – Вы уж не смотрите на мой внешний вид. Это ведь здесь не главное...

– Чай горячий, – Мишка отложил уздечку и прошёл к плите. Не спеша он поставил на стол две кружки и налил ещё дымящегося кипятка.

– Больше ничего предложить не могу. Извиняюсь.

Что-то заставило Мишку остановить гостя. Было в мужичке что-то ненавязчивое, и в то же время не от мира сего, да и взять с Мишки было и вправду нечего. Незнакомец сел и

взял обеими руками кружку. Мишку поразили его очень чистые, аккуратно подстриженные ногти.

– Хороший чай. Настоящий.

Мишка усмехнулся про себя и тоже взял кружку. Он редко садился, когда кто-то сидел за столом.

– А вы почему не садитесь? – смущённо спросил гость.

– Успею, – усмехнулся Мишка и без всякого любопытства посмотрел в окно. – Вот стервец, – в сердцах выругался Мишка, глядя, как Куцый опять добрался до его обуви.

– Хорошие у вас друзья, преданные.

От этих слов Мишка рассмеялся. «С головой гость явно был недружен», – подумал он.

– А я серьёзно. Они ваши помощники. Без кошки и собаки человеку не прожить, особенно здесь. Но дело не только в том, что они ловят мышей и караулят дом. Вот вы, наверное, думаете, что в жизни главное – это предметы, вещи. Деньги там. Или везение. Ну, скажем к примеру, лотерею выиграть или найти чего. Или хотя бы, применительно к вам, зверя в лесу встретить, а потом убить. Нет. Главное, чтобы рядом душа была родная. И чтобы она тебя понимала, а ты ей верил. Радость ведь тогда хороша, когда её делишь. В нас ведь веры не хватает и доброты. Всё хорошее на земле от доброты человеческой. Ему и возвращается. Ты к твари с теплом, и она к тебе с доверием и лаской. Так и с природой. Она ведь тоже живая и всё чувствует, на всё реагирует. Ты сегодня куст сломал, а завтра с неба воды упали. А что, как ни

куст, удержит их на земле. В противном случае потоп и беды людские. А причин не видим. К земле, ко всему живому надо с любовью. Погожий солнечный день, что природа нам дарит, – это следствие человеческой доброты к ней. Доказывать это не обязательно. Достаточно лишь поверить.

– Легко вам живётся, наверное, что так складно о любви говорите, – не скрывая иронии, перебил Мишка. – Вы случайно в Бога не верите? Сейчас, знаете ли, модно в Бога верить и проповедовать любовь. А вы это лесорубу скажите, или охотнику, у которого руки по локоть в крови. А им выживать надо. Жить надо по справедливости. Это вернее и надёжнее, – раздражённо произнёс он. Гость некоторое время раздумывал над словами, а затем без напряжения, но пристально посмотрел в глаза хозяина.

– Я... В некотором роде врач и догадываюсь о причине ваших размышлений. Здесь нет повода спорить, вы по своему правы, но лучше от этого, как правило, не становится, если вы честный человек. А глядя на вас, так и думаешь. Наверное, у вас душа болит. От обиды. Она и не даёт вам любить этот снег и этот день. А оно того стоит, уж поверьте. Это я вам как знающий человек говорю.

– То-то гляжу на ваши руки, – хмыкнул Михаил.

– Совсем не хочу наставлять вас. Здешний народ, знаете ли, по природе своей недоверчив, а особенно к чужакам. – Незнакомец потянулся к шляпе, но, увидев на лице хозяина вопрос, остановился.

– Мне всё же интересно, чего вы от жизни хотите. Одно дело выживать, а другое... Знаете ли вы то, чего хотите от жизни? Думаете ли вы над этим? Судя по вам —ничего серьёзного в вашей жизни ещё не произошло.

Мишка знал по своему опыту, что у подобного контингента иногда бывают странности и даже разные способности. Поэтому слова гостя несколько не удивили его. Но были в них особая уверенность и спокойствие, которые задели за живое.

– Так может сказать любой. И в половине случаев будет прав, – недовольно пробурчал Михаил.

– Верно. Я и не берусь пророчествовать. Человек сам выстраивает себе дорогу. А она, как известно, состоит из множества тропинок, уводящих в сторону. Одна приведёт к дикому зверю, и здесь кто кого. Другая... заставит сделать выбор, и, может быть, придётся переступить через чужое горе. Дорога в рай, знаете ли, вымощена костями человеческими. Но главное, что впереди всегда ждёт любовь. В этом я не сомневаюсь.

Станный гость не спеша отпивал из кружки чай, уже успевший остыть, и не моргая смотрел на Мишку.

– А вам повезёт. Вот увидите. И не раз. И то, что у вас в бачке только отравленная тушёнка, – это явление временное. Будет и мясо. Ведь вам без него никак не обойтись при вашей жизни. Я-то вас понимаю. Только за каждой радостью стоит испытание. Вы об этом не задумывались?

– Это всё Библия. Старая песня, – раздражённо вздохнул Мишка. Он уже не находил себе места от слов собеседника. В них была логика и даже внешняя красота, но не было никакого отношения к его теперешней жизни.

– Ну вот. Вы злитесь. Я сейчас уйду. Вы не волнуйтесь. Да и дела у меня. – Мужичок покрутил рассеянно головой и поставил кружку. – А писание здесь ни при чём. Это просто жизненный опыт. А в истории есть вещи и постарше Библии. Это к вопросу о справедливости. Это жизнь так устроена. Вы уж поверьте мне на слово. Но вы правы, в Библии об этом тоже сказано. – Он тихо поднялся и, надев шляпу, вышел из дома. Погладив щенка за ухом, незнакомец выпрямился, немного поёжился и огляделся по сторонам.

– И всё же друзья у вас хорошие, – улыбнулся гость. – Вам есть в чем позавидовать.

Незнакомец сделал несколько шагов, прищурил глаза и посмотрел на засыпанные снегом деревья.

– А вы знаете, что определяет всю нашу жизнь? – неожиданно спросил он и улыбнулся.

– Откудава нам про такое ведать, мы люди тёмные, – нарочито мудрёно пробурчал Михаил. Поставленный в тупик таким нелепым вопросом, он даже растерялся. Немного помолчав, он усмехнулся и спросил: – И что же?

– Наши намерения, – спокойно произнёс гость, ни на секунду не задумываясь над ответом.

– И всего-то? – Мишка облокотился на перила старого

крыльца и с грустью посмотрел на снег.

– Представьте. – Гость немного приподнял шляпу и пошёл к дороге. Пройдя несколько шагов, он остановился и о чём-то задумался, глядя на то, как падают снежинки.

– Хотите, открою вам огромный секрет? Право, я не шучу. Многие не догадываются.

– О чём? – не скрывая удивления и улыбки спросил Мишаня.

– Вы знаете, откуда берётся вода? Вот эта. Снег, дождь...

– С неба, – рассмеялся Мишка, немного поёжившись от нелепости вопроса. Гость тоже рассмеялся.

– Мы ведь из воды состоим. Ведь верно.

– Не поспоришь, – усмехнулся Мишка.

– И всё на земле тоже.

Простота слов и сама тема немного смутили Мишаню, но вместе с тем и насторожили. Он вдруг понял, что гость не шутит, и хочет сказать что-то важное, по крайней мере, для себя.

...-А вы знаете, что уровень океана за последние миллион лет повысился на полкилометра.

– И что бы это значило, как-то поглупев спросил Мишаня.

– Но ведь мы же в замкнутом пространстве живём. Не так ли. В космос ничего не уходит.

Мишаня пожал плечами, не понимая как на это реагировать.

– Ну, думайте. Вот вы убьёте оленя, а он состоял из воды.

Куда она потом? Или срубите кедры для своего будущего дома. Они ведь тоже влагу содержали. Точнее, она в них жила.

После сказанных слов наступила тишина, в которой было слышно, как падали хлопья снега, и Мишаня вдруг понял, на что намекал гость.

–Вода была в них? –неуверенно спросил он, глядя на снежинки.

–Ну да. Ведь не с Марса же снег. Мы рубим и убиваем, а она прибывает. Она становится мятежной. Ей ведь необходимо воплощаться. А где как не в живом теле. Вы не поверите...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.